

Миронов Андрей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
 профессор кафедры исторических,
 социальных и философских наук
 Севастопольского государственного университета

СООТНОШЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА СМЫСЛА ЖИЗНИ

Аннотация:

В статье рассматриваются подходы к пониманию проблемы смысла жизни. Автор делает акцент на ценностной составляющей данного вопроса. Сравнение аксиологических компонентов в различные исторические эпохи позволяет выстроить общий цивилизационный генезис осознания человеком своего предназначения. Социальные механизмы формирования понимания человеком своих возможностей и социальной направленности структурируют данный феномен в его экстраполяции на актуальные проблемы современности.

Ключевые слова:

смысл жизни, социальная роль, социальное предназначение, служение, долг.

Mironov Andrey Vladimirovich

D.Phil. in Philosophy, Professor,
 Philosophy and Social Sciences Department,
 Sevastopol State University

CORRELATION OF VALUE APPROACHES IN THE STUDY OF THE PROBLEM OF SEARCHING FOR LIFE PURPOSE

Summary:

The article discusses some approaches to understanding of the problem of life purpose. The author focuses on the value component of the issue. Comparison of the axiological components in different historical periods has allowed the author to build overall civilization genesis of human's awareness of his mission. The social mechanisms participating in development of person's understanding of his capabilities and social identity structure today this phenomenon in its extrapolation on topical present-day issues.

Keywords:

meaning of life, social role, social purpose, service, duty.

Поиск смыслов существования можно считать одной из самых важных задач философского знания, которая возникла на ранних этапах его становления. Политические, социальные, религиозные, моральные факторы определяли вектор развития данного феномена, включавшего вопросы самореализации человека в общественном и личностном пространстве, виды деятельности, взаимодействие с отдельным индивидом и сообществом в целом. В зависимости от религиозной составляющей выстраивалась вертикаль отношений с Высшим, где присутствовало разъяснение целей, достижение которых считалось необходимым для гармоничных отношений с единоверцами и соответствия Божественному предназначению. По мере расширения позитивной свободы человека вопрос о смысле существования выводился из-под диктата церкви и социума, переходя в сферу светской интерпретации возможностей самореализации личности. Ослабление природного диктата, увеличение свободного времени, которое человек может посвятить себе, материальный комфорт и благополучие трансформируют данную проблему в индивидуальный экзистенциал, под знаком которого конструируются модели социального поведения, ценностной ориентации, профессиональной деятельности, личных желаний. Выявление исторического генезиса смыслов, составляющих суть проблемы, позволяет выявить тенденцию соотношения личного и общественного в понимании самооценки человека, способности адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, определении духовных констант, характеризующих состояние социума. В статье рассматриваются философские интерпретации осмысления человеческого существования с точки зрения выбора ценностных ориентиров. Актуальность темы обоснована нарастающим конфликтом цивилизаций, который затрагивает значимые сферы самоосознания человека и гражданина, его роль в историческом процессе, совпадения частных и государственных устремлений.

Античная философия пытается определить личностное становление, исходя из коллективной сущности человека, его адекватности общественным вызовам. Патриотическое начало формирует каркас восприятия действительности, где единичность подчинена множественности. Сам по себе индивид не представляет ценности, он только часть социального целого, с которым установлено сотрудничество и доверие. Понимание собственного предназначения сопряжено с комплексом задач, стоящих перед соплеменниками и возможностью им соответствовать через признание приоритетности общезначимых положений. Верховенство коллективных интересов акцентирует внимание на моральные качества, которые раскрываются при реализации всеобщего

блага. В этом ключе происходит процесс универсализации смыслового содержания человеческой жизни. Различия в нюансах компенсируются абсолютным основанием, признанным большинством граждан, что становится ориентиром в осознании себя и смысла собственного существования. Общественная направленность материальных и духовных экстраполяций своей сущности исключает противоречия в понимании индивидуального «Я», а единство целей становится залогом согласия с самим собой. Индивид ощущает себя неразделимой составляющей сообщества, данное обстоятельство формирует чувство долга и необходимость служения той социальной среде, частью которой он себя воспринимает. В сопричастности образуется смысловая программа действий, ожиданий, а фактором удовлетворенности собой становится почитание сограждан, признавших усилия индивида оправданными общей пользой. Одобрение другими заслуг человека перед обществом тождественно оправданию природного существования, выполнению миссии личностной реализации. «...Нелепо делать блаженного одиночкой, ибо никто не избрал бы обладание благом для себя одного, действительно, человек – общественное существо, и жизнь сообща прирождена ему» [1, с. 259]. Потенциал человека-гражданина находит сферу применения в социуме, и таким образом снимает большую часть вопросов, обращенных к самому себе относительно смысла пребывания в реальности. Сфера социального замыкает на своих проблемах, декларируя их как основополагающие, тем самым препятствуя самостоятельному поиску альтернатив официальной парадигме приложения человеческого бытия.

Кризис гражданских отношений античного мира (Греция с V–IV вв. до н. э., Рим с I в. нашей эры), выразившийся в формализации коллективных принципов, вынуждает индивида принять на себя в числе иных вопросов и проблему смысла жизни, так как доверие к социуму и, следовательно, к его аксиологическим установкам ослабевает. Внутренняя независимость становится источником альтернативных подходов в понимании собственного предназначения. Красота, наслаждение, природа, мышление, любовь, дружба, коммуникация выступают как варианты самоосуществления, адаптирующие человека к новой ситуации. Интерес к собственному «Я» предоставляет больше возможностей нахождения точек соприкосновения со своей сущностью, но и повышает ответственность выбора. Гармония действий и помыслов, комфортное самоощущение могут стать следствием преодоления ложных ценностей. Обращение к себе мотивирует процесс поиска смыслов жизни через отказ от общепринятого.

Индивидуальный опыт признается более совершенным критерием, чем общественное мнение. Полнота бытия характеризуется наполненностью личностно значимого. Уникальность превалирует над универсализацией. В качестве основной цели, которая абсолютизируется индивидом, выступает духовное и физическое самосохранение, трансформирующееся в сверхзадачу, наполненную личными переживаниями, порывами, тревогами. Борьба за самоосуществление требует напряжения возможностей, предоставленных человеку от природы и санкционированных обществом. Баланс потенциального и актуализированного рассматривается с точки зрения преодоления внутренних противоречий, мешающих обретению индивидуального понятия счастья. Осознание дифференциации общественно предлагаемого и самотворчества в поиске смыслов жизни очерчивает границу между тем, что входит в сферу частных интересов человека, и тем, что остается за ее пределами. Гармоничный контакт с самим собой, ассоциирующийся с полнотой проживаемого бытия, является следствием правильно выбранных моральных ориентиров, не препятствующих личностной самореализации. Пребывание в мире оправдывается позитивными ощущениями достижений и успехов в самостоятельно утвержденной плоскости (интеллект, взаимопомощь, эротические связи, эстетическое наслаждение). Способность к выстраиванию собственного миропорядка – условие получения подлинной радости, которую человек может обратить на самого себя. В этом случае соотношение вопросов и ответов относительно ценности существования зависит исключительно от индивидуальной удовлетворенности сложившимися обстоятельствами, которые соответствуют субъективным представлениям о желаемом. Надежда на обретение счастья тождественна тем критериям выбора, которые оправдали себя независимо от мнения большинства. Автономность личного бытия служит залогом истинного осмысления действительности и, таким образом, устраняет ложные конструкции ценностной ориентации. «Люди ищут уединения, стремятся к деревенской тишине, к морским берегам, в горы... Все это, однако, говорит лишь о крайнем невежестве, ибо в любой момент ты можешь удалиться в самого себя. Ведь самое тихое и безмятежное место, куда человек может удалиться, – это его душа» [2, с. 287]. Довольство собой в этой ситуации – точка оправдания жизненного пути, таким образом, смысл перерождается в удовлетворенность.

Вытеснение христианской церковью языческих представлений о сущности человека видоизменило подход к трактовке смыслов жизни. Вера становится фундаментом осознания действительности. Понимание себя и своих устремлений определяется убежденностью в Божественном

устройстве мира. «Божий человек всегда совершенствуется во всяком добром деле, в смиренномудрии, в благорасположении, в долготерпении, опора же всего этого – надежда на Бога. Не имеющий такой опоры все равно что строящий дом без основания» [3, с. 132]. Акцент в упованиях делается на обращении к сверхъестественной силе, способной представить четкое понимание смысла появления человека в этой реальности, его деятельности и его ухода в иную ипостась бытия. Своеволие индивидуального выбора недопустимо, так как, по определению, несовершенный разум, присущий человеку, не способен охватить Промысел Божий, а должен подчиниться наставлениям церкви, представляющей его Волю. Моральная составляющая в этом случае приобретает доминирующую константу, выполнение заповедей становится предпосылкой утверждения христианином своей сущности. Следование духовным предписаниям определяет и сферы приложения человека, его ожидания и самооценку. Если жизнь и все происходящее в ней ассоциируется с религиозным толкованием явлений, то поиски смыслообразующего не должны выходить за пределы данной области. Отказываясь от индивидуализированной свободы в конструировании своего бытия, верующий в лице церковной общины получал подтверждение или неприятие относительно правильности выбора предъявлений, направленных на осуществление своего «Я».

Человек становится частью христианского мира через попытку преодоления себялюбия. Самосовершенствование направляется на улучшение моральных качеств, способных принести пользу другим. В этом контексте оформляется заданность действий и целей индивида. Самопожертвование, милосердие, терпимость, взаимопомощь приобретают черты самодостаточности, так как в их проявлениях отсутствует ожидание земной компенсации. Служение Богу через служение людям, этому принципу должны подчиняться все поступки. Смысл существования декларируется положениями вероучения и не подразумевает какой-либо альтернативности решения вопроса. Свобода в понимании себя, опирающаяся на свободу выбора, могла стать следствием заблуждений в определении ценностных ориентиров и направить на путь порока, тем самым исказить христианскую природу человека, обратив ее на путь служения темной силе. В отличие от античного периода истории, коллективность как ценность личного бытия в Средневековье не выступает гражданской доблестью, а способом религиозного взаимодействия, призванного помочь человеку преодолеть индивидуальную греховность. Коммуникация с членами церковной общины очерчивает ракурсы индивидуального бытия.

Значение происходящего с человеком коррелируется вечностью, тем самым придавая иное звучание обыденности: обстоятельства и ситуации, в рамках которых происходит освоение своей сущности и, как следствие, восприятие собственного предназначения привязывается к бесконечности, изменяя значение земного существования. В таком случае формируется признание человеком высших целей как противовес бессмысленности, цепи случайностей, при этом структурируется сама система жизненных координат, направленная на преодоление ценностного хаоса. «В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объела его» (Ин. 1: 4–5). Цельность религиозного самочувствования позволяет преодолевать трудности и препятствия, сохраняя уважение к себе и другим, потому что опорой является не сиюминутное ощущение происходящего, а религиозная уверенность в оправданности предложенного бытия.

Эпоха Нового времени расширяет горизонты деятельности индивида, декларирует права человека, изменяет социальные критерии успешности. Стремление к обогащению, прагматический подход к другим, извлечение доходов из любой сферы приложения усилий становится нормой существования. Отделение свободы совести от свободы поведения определяет идею достижения личного благополучия как фундаментальную, через призму которой рассматриваются смыслы индивидуального существования. Понимание действительности в ключе материалистического мировоззрения сводит мотивацию деятельности к эгоистическому началу, ассоциирующуюся с естественностью, исключая как равноценные иные основания. Чувственная природа человека в данном ракурсе воспринимается всеобъемлющей, поглощая иные аспекты существования, ограничивая поиск смыслов заданными пределами. Получение удовольствий, удовлетворение физиологических потребностей, созидание житейского комфорта аккумулируются в доминанту общественного сознания, объявляя их как обязательные и необходимые. Осознание человеком самого себя и своего предназначения ставится в зависимость от материальной состоятельности без учета индивидуальных особенностей. Общепринятость данных положений примитивизирует предназначение человека до уровня потребителя жизненных благ, оценивая его по схеме материальных возможностей. Конфликт личностного и социального восприятия действительности переходит в фазу конфликта смыслов, вкладываемых в понимание собственного предназначения. В этом случае наблюдаются разночтения в ценностных позициях относительно кардинальных вопросов деятельности, поведения, коммуникации. Взаимосвязь с другими осложняется, формируя поле изоляции, в котором пребывает индивид. Ценность личного бытия опреде-

ляется соотношением представляемых качеств на социальном рынке, а смысл уникальности человеческого существования трансформируется в потребительскую стоимость. «Если он (человек. – А.М.) не принадлежит к какой-либо общности, если его жизнь не приобретает какого-либо смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет» [4, с. 28]. Эксплуатация физических, интеллектуальных, эмоциональных способностей для поддержания определенной репутации нивелирует поиск смысла жизни до второстепенного по значимости занятия, так как сомнение в истинности предлагаемых выборов служит препятствием в достижении общепринятого понимания успеха. Гнетущее одиночество требует выхода, индивид, не находя применения своим способностям, неудовлетворенный результатами деятельности, заявляет в качестве целей антисмыслы – деструкцию себя, других, сложившегося социального порядка. Страх унификации тождествен потере значения единичного, при которой утрачивается индивидуальный смысл существования.

Вышеприведенные подходы к рассматриваемой проблеме объединяет принцип общественной оценки реализации человеком различных аспектов своего бытия относительно наиболее значимых категорий социальной жизни в различные периоды европейской истории. Гражданское общество, церковная община, профессиональная корпорация задают жесткую векторность в осмыслении себя как на личностном уровне, так и на общественном. Поиск вариантов оправдания земного существования, как правило, совпадает с целевыми задачами сообщества. Расширение границ индивидуальной свободы, повышение образовательного уровня, информационная обеспеченность переносят акцент на личностное осмысление данного вопроса. Новые иррационалистические теории предлагают смену интерпретации вопроса о смысле жизни, выдвигая в качестве оснований субъективные конструкции, опирающиеся на личностное восприятие своих задач и целей. В этом контексте интересно сопоставить классические парадигмы с представленными в XX в. концепциями. Новые данные антропологии и психологии помогают выявить не только возникшие траектории в понимании предназначения человека, но и определить основную аксиологическую тенденцию, вобравшую драматические события европейской истории.

Гуманистическая философия А. Швейцера, критикуя современное общество за прагматическое отношение к человеку, предлагает считать саму жизнь самодостаточной ценностью. Данная от природы, она содержит в себе и социальный потенциал – оказание помощи другим. «Благоговение перед жизнью», своей и чужой, трансформирует смысл существования из сферы индивидуальной реализации в максимальное приложение усилий, направленных на ее сохранение, тем самым ценности мира, социальной справедливости, равенства получают иное звучание. «Стремление к прогрессу во всех областях и направлениях человек черпает в оптимистическом мировоззрении, которое утверждает мир и жизнь как нечто само по себе ценное и побуждает поэтому относиться к бытию – в той мере, в какой последнее поддается нашему воздействию, – как высшему благу. Отсюда вытекает направленное на улучшение условий существования индивидов и обществ, народов и человечества желание действовать, надежда на высокий смысл такого действия и, наконец, само действие» [5, с. 96]. Личность, определяя себя в данном ключе, соотносит свое предназначение с моральными положениями в контексте социального включения в общепользную деятельность, направленную на помощь человеку как таковому, независимо от национальных, расовых, религиозных, материальных, иерархических критериев. Служение другим наполняет содержанием смысл индивидуального бытия, так как препятствует боли, одиночеству, злу, войне, противостояние им становится главной целью в надежде на лучшее и справедливое будущее. Практические действия, обусловленные гуманистическим посылом, заменяют абстрактные рассуждения и предполагают ограничение эгоистического начала в человеке. Самосовершенствование индивида в этом случае мотивируется не общественными установками, включающими образы должного с точки зрения большинства, а необходимостью творить благо другим. Объединяясь с другими, человек становится неотъемлемой частью мира, а самоотдача – осознанной формой осуществления себя. Ответственность за человечество побуждает конкретизировать собственные представления о жизни с учетом интересов тех, кто не способен эффективно справиться с существующими проблемами (голод, холод, болезни, конфликты). Если посылка о равенстве людей переходит в признание ценности жизни любого и становится реальностью сознания, то она подразумевает изменение и образа мышления, и образа поведения по отношению к окружающим. Значение собственного «Я» воспринимается только в контексте других. Альтруизм поступков компенсируется ощущением выполненного долга, в этом случае преодолевается конфликтное противоречие с собственным несовершенством, несовершенством окружающего. Терпимость к миру утверждает и новый взгляд на существование в нем: помощь человеку отождествляется с исполненным предназначением личного бытия. Данный подход, сформулированный и реализованный А. Швейцером, не только получил поддержку в Европе и

США, но и трансформировался в общественное движение, направленное на развитие медицины в Африке и Азии.

Гуманистическая психология, представленная известными фигурами в области антропологии и психологии (В. Франкл, К. Ясперс, У.А. Садлер, Т.Б. Джонсон, Б. Миускович, Д. Майерс и др.), определяет в качестве основного тезиса своей теории – веру в возможности человека, и в таком случае поиск смысла жизни становится стимулом личностного развития. В этом процессе ощущение свободы выбора в предложенных обстоятельствах означает реальное самоосуществление индивида, способом представления себя и своих качеств миру в уникальной и неповторимой форме. Интерес к жизни инициирует вхождение в различные ситуации, разрешение которых порождает значения действий, поступков, ценностей, требующих осознания и соотношения с личной позицией. Изначальная предопределенность обществом, государством, религиозной группой жизненных функций вступает в противоречие со стремлением человека найти свое место в жизни, соответствующее тем представлениям, которые получены в результате самостоятельно приобретенного опыта. В рамках данного направления исследований абсолютизируется индивидуальный подход в понимании жизни и ее проявлений. «Смысл – это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации. Это всегда «требование момента», которое, однако, всегда адресовано конкретному человеку. И как неповторима каждая отдельная ситуация, так же уникален и каждый отдельный человек... Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл» [6, с. 39].

Признание внутренней свободы как отправной посылки существования детерминирует движение «Я» к поиску наиболее адекватных вариантов принятия окружающего мира через творчество, ценности, отношения. Таким образом, поиск становится тождественным самому понятию смысла жизни. Феномен смыслоутраты порождается отсутствием связей со значимым (прежде всего значимой деятельностью), он становится следствием «экзистенциального вакуума», распространенного в обществе. Усилия индивида, направленные на постижение мира, содержат интенциональную ответственность за выбор смыслов. В этом контексте самоактуализация не должна быть «причиной самой себя», а отвечать ожиданиям, присутствующего в обществе мировоззренческого конструкта. «...Самоотречение является ценой, которой я должен заплатить за познание мира, ценой, которой я должен приобрести познание бытия, большего, чем просто проявление моего собственного бытия» [7, с. 73]. Смысл не вмещается в пределы произвольно понятой эгоистической доминанты, поэтому человек в процессе поиска вынужден изменять свое отношение к моральным качествам, с помощью которых он устанавливает отношения с окружающими, возникает ситуация, содержащая в себе требование совершенствования нравственных принципов и тем самым способствующая личностному росту.

В XX в. предлагаются концепции смысла жизни, анализируемые на основе событий, изменивших привычное очертание мира, человека, общества. В России данная попытка вобрала в себя светское и традицию православного истолкования. Смысл и бессмыслица соотносятся между собой через «единую истину», обусловленную «Абсолютным». Е.Н. Трубецкой раскрывает данные понятия, включая их в контекст «Замысла Божьего», теодицеи, «Откровения Божьего Дня», «Явления Софии». В катастрофе, постигшей человечество, с его точки зрения, просматривается разрыв человека с Высшим, что стало причиной утраты подлинного смысла и, как следствие, подмена его ложными представлениями – властолюбием, амбициями, тщеславием и др. Психологические аспекты сущности индивида субъективны, изменчивы, неоднородны, поэтому он нуждается в безусловной опоре, которая освящается не проблесками его сознания, а светом Софии, тождественным идее всеединства. «Полнота жизни как единая цель для всего живущего – таков предмет искания всякого жизненного стремления, единая истина для всех – таково предположение всякого сознания вообще, и, наконец, единая правда для всех – таково предположение нравственного сознания» [8, с. 38]. Ощущение себя частью целого возможно через установление гармонии «твари» и «ниспосланной благодати», преодоление в себе себялюбия и эгоцентризма приближает к осуществлению цели: преодолению бессмыслицы как препятствия к истине. Атеизм ограничил человека рамками природного существования, декларируя его самодовлеющий смысл, и тем самым разрушил целостность человека. Разрыв духовного и материального выразился в невозможности формирования смысла как универсального знаменателя жизни, содержащего единство всех проявлений индивида. Само стремление к познанию и осмыслению тайны бытия, по мнению Е.Н. Трубецкого, создает условия нравственного возрождения человека, открывает глубину его внутреннего мира и помогает обрести веру в осмысленность происходящего, побуждая к моральному совершенствованию.

Баланс взаимоотношений между индивидуальным и общественным сознанием определяет уровень деструктивного в социуме через потенциальные возможности личностной реализации.

Комплекс требований, представленных государством, сталкивается с негативными представлениями человека, приобретенными в результате соприкосновения с общественной системой, и перестает восприниматься как значимая компонента саморазвития. Формирование позитивного смысла жизни зависит от прочности связей, подлинной солидарности, наблюдаемой в обществе. Плодотворное сотрудничество обусловлено востребованностью предлагаемых личных качеств, что можно расценивать как стимул деятельности на благо других. В этом случае смысл индивидуального бытия перенаправляется в сторону социального партнерства, которое открывает перспективы роста самооценки в глазах окружающих. Чувство социальной сопричастности нейтрализует ощущение одиночества и, таким образом, позволяет осознавать себя частью целого и, исходя из этого, осуществлять поиск смысла жизни.

Процесс смыслообразования актуализируется принятием и признанием общественных идеалов, ценностей, стандартов. Духовное развитие перестает быть самоцелью. Взаимопомощь, поддержка, жертвование в этом ключе могут трансформироваться из отвлеченных понятий в практические действия, определяющие предназначение человека. Ролевое участие социума и индивида в формировании смыслов распределяется в зависимости от доверия и согласия сторон друг к другу. Осознанная общность целей диктует необходимость самоотдачи, которую гражданин считает своей обязанностью, распространяя ее как на себя, так и на других. Иная ситуация возникает в атмосфере социальной непривлекательности: индивид замыкается на собственные интересы, картина мира рассматривается через призму эгоцентризма и ценностный аспект жизни воспринимается в категориях личного комфорта, благополучия, удовлетворения потребностей. Волеизъявление человека ограничивается формальными правами, не затрагивая сущностные характеристики общественного существования, поэтому смысловая компонента остается в пределах личного пространства. Деструкция социального единства мотивирует апробацию человеком иных ценностных факторов: слава, власть, тщеславие, порок, безудержный поиск удовольствий, приобретающих значение в диапазоне индивидуального бытия, сконцентрированного на самопредъявлении окружающим.

Наличие в обществе объединяющей идеи, восстановление общезначимого ценностного каркаса, понятного большинству, стимулирует расширение сферы поиска смысла жизни. Изменение общественных ориентиров с индивидуальных на коллективные, признанные большинством, влияет на качество и уровень принятой в социуме коммуникации и повышает ее значение в восприятии гражданина, мотивируя деятельность, направленную на всеобщее благо. Анализ вышеприведенных концепций позволяет сделать вывод: доминирование положений, включающих представления о нравственной и социальной справедливости, патриотизме, солидарности, взаимопомощи предполагает трансформацию ожиданий в социально оправданные поступки, осознаваемые как вариации смысла жизни. Адекватное соотношение личных и общественных интересов определяет назначение индивида, предполагающее личное совершенствование, которое становится не средством, а целью его существования.

Ссылки:

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1984. 829 с.
2. Римские стоики. М., 1995. 460 с.
3. Макарий Египетский. Новые духовные беседы. М., 1990. 175 с.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. 269 с.
5. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. 576 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.
7. Там же.
8. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. 432 с.

References:

1. Aristotle 1984, *Works*, in 4 vols., vol. 4, Moscow, 829 p.
2. *Roman Stoics* 1995, Moscow, 460 p.
3. Macarius of Egypt 1990, *New spiritual counseling*, Moscow, 175 p.
4. Fromm, E 1990, *Escape from Freedom*, Moscow, 269 p.
5. Schweitzer, A 1992, *Reverence for Life*, Moscow, 576 p.
6. Frankl, V 1990, *Man in search of meaning*, Moscow, 368 p.
7. Frankl, V 1990, *Man in search of meaning*, Moscow, 368 p.
8. Trubetzkoy, EN 1994, *Meaning of life*, Moscow, 432 p.